

Таша
Калинина

**Желтый дом
на берегу
океана**

«Теперь у тебя есть ты»

Таша Калинина

**Желтый дом на берегу океана.
«Теперь у тебя есть ты»**

«Издательские решения»

Калинина Т.

Желтый дом на берегу океана. «Теперь у тебя есть ты» /
Т. Калинина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569388-4

...Есть только ты и океан. Дом, в котором не слышны голоса. Мир, который уже ничем не удивит. Боль, которая не отпускает. И одиночество. Один день похож на другой, пока в соседнем, много лет пустующем доме однажды вечером не зажигается свет. Лета еще не знает, что этот свет — начало ее новой жизни. Какой путь ей придется пройти, чтобы обрести самое главное — себя? «Желтый дом на берегу океана» — история, которая могла случиться где угодно и с кем угодно. Может, это и про вас тоже?

ISBN 978-5-00-569388-4

© Калинина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Свет в чужом окне	6
Глава 2. Знакомство с соседями	11
Глава 3. Дружба начинается с завтрака	17
Глава 4. Город открывает тайны	25
Глава 5. И мир перевернулся	33
Глава 6. Время снять маски	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Желтый дом на берегу океана «Теперь у тебя есть ты»

Таша Калинина

Редактор и корректор Наталья Калинина

Иллюстратор Елена Сюрсина

© Таша Калинина, 2022

© Елена Сюрсина, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-9388-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Свет в чужом окне

В тот вечер окно желтого дома ожило – в нем зажегся свет. Лета машинально отметила это, подняв взгляд от салатовой, в мыльных разводах тарелки, так и норовящей выскользнуть из рук. Кухня «смотрела» аккуратно на соседский дом, который – сколько Лета помнила себя – пустовал. Она часто представляла, как, должно быть, счастливо можно в нем жить: двухэтажный, с высоким крыльцом и панорамными окнами дом был развернут террасой к океану и стоял ровно по центру зеленой лужайки. К началу лета растрепанная, давно не стриженная трава налилась сочной зеленью, так что желтый дом снова стал солнечным акцентом на побережье, и сейчас, когда в нем проявилась жизнь, занимал все мысли Леты.

– Так странно... Столько лет пустоты... Подумать не могла, что у нас будут соседи, – улыбнулась Лета ванильным сумеркам гостиной. – Интересно, они придут знакомиться? Наверное, сперва разберут все свои коробки, приведут в порядок лужайку – с переездом столько хлопот... Когда ты последний раз стриг их лужайку? Год назад?..

Тишина плыла над комнатой, уютно гнездилась на диване и пряталась в складках тяжелых портьер, за которыми угадывался выход на террасу – ну какой дом у океана без террасы? На журнальном столике, в тени вазы с цветами притаилась фотография. Лета взяла ее в руки, погладила прохладное стекло: «Никак не могу привыкнуть... Прости уж...»

С фотографии на нее смотрел улыбчивый симпатичный мужчина. Грег. Человек, который подарил Лете не просто дом на побережье, долгие разговоры по душам и привычку пользоваться яркой посудой без особого повода, – он научил ее улыбаться. Каждое утро муж просыпался первым, бесшумно раздвигал шторы в спальне и комнату наполнял мягкий солнечный свет. Для Леты эти утренние час-полтора были временем самых нежных снов, когда ты словно балансируешь на границе миров: сознание уже улавливает жизнерадостное брнчание на кухне кастрюлек-сковородок и тонкий кофейный аромат, а тело – еще парит в невесомости и каждая его клеточка наполняется энергией радости для нового дня.

– Соня, вставай! – Грег стягивал с нее, в шутку сопротивляющейся, невесомое одеяло. – Мы еще успеем прогуляться по берегу, если лучшая женщина мира соизволит открыть глаза... Давай, давай, кофе стынет...

И пока Лета умывалась прохладной водой, расчесывала волосы и надевала длинное светлое платье максимально простого кроя – с Грегом она вообще полюбила белый цвет, муж сервировал стол для завтрака на первом этаже.

– Оранжевую или салатовую? – заговорщицки подмигивал Грег, доставая тарелки. – Какое у тебя сегодня настроение?..

...Лета улыбалась, думая о муже. Ей нравилось представлять, что он все еще здесь – просто задерживается в офисе, но скоро на крыльце прозвучат быстрые шаги, щелкнет дверной замок и...

– Привет! Кто первый обниматься?

Первой и единственной была она, Лета – женщина, которая, как шутил Грег, свалилась на него «с Луны». Он никогда не рассказывал про их знакомство, а Лета – не помнила. Ей было достаточно того, что у нее уже есть: почти круглогодичное лето; большой и светлый дом, где пахло радостью, а по субботам – яблочным пирогом; мужчина с глазами кофейного оттенка, которые наполнялись солнечными искрами, когда он, любуясь, смотрел на нее... Разве нужно что-то еще?

Десять лет с Грегом были лучшим временем в жизни Леты. Ей казалось, что только в момент встречи с мужем и она сделала свой первый вдох – и родилась. Жаль, что у счастья такой мизерный срок годности, а потом ты уже не можешь ничего изменить. Лета все бы отдала, чтобы вымарать из прошлогоднего календаря 3 июня – день, когда Грег в последний раз пододвинул к ней салатовую тарелку с омлетом и овощной нарезкой, щедро плеснул в высокий стакан свежавыжатый апельсиновый сок и подмигнул: «Соня, жди меня сильно-сильно – вернусь с сюрпризом». И она ждала. Ждала, пока застилала постель. Ждала, пока переставляла на полке в гостиной, смахивая с них пыль, разномастные фигурки гномов – забавная коллекция мужа. Ждала, пока в духовке наливалось пряными ароматами трав филе семги, которое Лета подаст на ужин. Ждала, листая мебельные каталоги – они с Грегом присматривали комод в спальню. Но так и не дождалась.

– Прости, никак не привыкну, – виновато улыбнулась она и, на секунду прижав фотографию к груди, словно ее тепло могло вернуть мужа, все-таки поставила ее на место.

Лета обошла первый этаж дома – проверила входную дверь, защелки на окнах, закрыла выход на террасу и плотно задернула шторы. Ей было спокойнее, если по ночам их с Грегом дом со стороны казался темным и не привлекал к себе внимания. На побережье жилых домов было не так много – в основном, люди приезжали сюда на выходные и на каникулы, чтобы вдоволь надышаться океаном, насквозь пропитаться солеными брызгами и прожариться на солнце. В остальное время года отдаленный пляж близ одного из городков Флориды принадлежал исключительно им, постоянным жителям, большинство из которых даже не были знакомы друг с другом. Теперь одиночество стало для Леты и спасением, и пыткой. Много месяцев ей не хотелось ни с кем встречаться и говорить – и добровольное затворничество помогало держаться в стороне от жизни. Но в последнее время на одинокую, уставшую от себя самой женщину все чаще наваливались пустые, тягучие вечера, когда тишина становилась оглушительной и невыносимой. Как сегодня.

Поэтому свет в окне желтого дома так взволновал Лету. Вдруг там поселилась ее ровесница, с которой можно будет иногда посидеть за чашкой кофе на террасе и слушать истории о ее детях, путешествиях или работе? А может быть, это молодожены, у которых впереди вся жизнь, и Лета станет частью их воспоминаний об океанском побережье, где все только начиналось? А может...

Она продолжала фантазировать, аккуратно расстелила свою половину кровати и забираясь под тонкое одеяло. Потом вдруг вскочила – забыла оставить шторы открытыми. Грег подарил ей еще и эту странную привычку – просыпаться от солнечного света... Вернувшись в постель, Лета свернулась калачиком и моментально уснула.

...Желтый дом проступал из тумана тревожным пятном, колыхался в воздухе, расслаивался, как фата-моргана, и словно плыл над мрачным, беспокойным океаном. Свет в окне моргал, неравномерно – то сжимаясь в ослепительную точку, то заливая полнеба. Это было

*похоже на послание, тайный шифр, который Лета никак не могла расшифровать. Она заво-
роженно следила за тревожно моргающим светом и чувствовала, как беззвездная ночь обо-
рачивается вокруг нее плотным покрывалом, сковывающим движения. Было трудно дышать,
хотелось выпутаться из этой липкой черноты, но Лета не могла пошевелиться. Желтый
дом вдруг начал разрастаться: этажи громоздились друг на друга, хлопая дверями; терраса
вытянулась в зловещей ухмылке – дом словно ожил и это явно не обещало ничего хорошего.
В единственном окне, где дрожал свет – теперь отчаянный, взывающий о помощи – мелькнул
чей-то силуэт и...*

...Лета, задыхаясь, резко села в кровати. Она не сразу поняла, где она – странный сон
завладел каждой клеточкой ее тела, не отпускал, отзывался тянущей болью в мышцах. Чтобы
успокоиться, она глубоко вдохнула. Еще раз. Еще. Сердце, трепыхавшееся пойманной в силки
птицей, стало биться ровнее. И вот уже она возвращается в свой привычный мир – солнечная
комната, за окном умиротворяющее дыхание океана, птичьи голоса. Часы на прикроватной
тумбочке бодро отсчитывали седьмой час утра. Все хорошо. Это ее дом, ее постель, она –
в безопасности. Пора вставать и варить кофе.

– Вот что бывает, когда слишком долго мечтаешь о соседях, – подтрунивая над собой,
Лета закуталась в цветастый шелковый халат и пошла умываться.

В июне солнце над океаном поднималось примерно в 5.30 утра. И к моменту, когда
Лета открывала глаза, юный день уже набирал силу – упругие волны слизывали с прибреж-
ной полоски пляжа остатки чьих-то снов, высоченные пальмы отбрасывали на не успевший
еще прогреться песок причудливые тени, соленый ветер надувал шторы, словно паруса, стоило
приоткрыть дверь на террасу. Вечнозеленые мангровые заросли подбирались совсем близко
к дому, почти сливаясь с лужайкой, за которой Лета почти перестала ухаживать после смерти
мужа. Она надеялась, что однажды природа возведет естественную стену между ней и миром.
Так было бы спокойнее.

Когда-то давным-давно на Лету произвел огромное впечатление чеховский рассказ
«Человек в футляре». Она не помнила, при каких обстоятельствах читала его, но это
и не важно. Помнила ощущение – ей странным образом был понятен и вовсе не казался жал-
ким этот несчастный главный герой Беликов, погруженный в космическое одиночество среди
людей. Окажись она хотя бы буковкой в этом рассказе, она прильнула бы к книжному затвор-
нику – там, где должно быть сердце – и превратилась в тишину. Можно, можно отказаться
от мира и спрятаться в ракушке добровольных ограничений, если взамен ты получишь гаран-
тию – больно не будет. Почему-то Лете именно это – возможность не испытывать боли –
казалось наивысшим счастьем. Всегда так казалось, даже до встречи с Грегом. А что было
до встречи с ним?

– Доброе утро, дорогой! – Лета поздоровалась с фотографией, пересекая гостиную
на пути к кухне. С завтраком она решила не мудрить, просто сыпанула в глубокую тарелку
злаковые хлопья, добавила молока и вышла на крыльцо дома. Солнце было еще на другой сто-
роне, поэтому Лета, удобно устроившись на ступенях, хрустела хлопьями и разглядывала жел-
тый дом. С чего вдруг он ей приснился?

– Яра, куда ты собралась? – вслед за маленькой девочкой, шустро спускающейся по сту-
пенькам, на крыльце соседнего дома появилась женщина. Лета встрепенулась – наконец-то!
Соседка с расстояния в несколько метров казалась совсем юной, лет 30, не больше. Рыжие

локоны пружинисто подпрыгивали в такт ее шагам, пока она догоняла малышку, и взметнулись солнечной волной, когда женщина, подхватив беглянку, резко выпрямилась и развернулась по направлению к дому. Девочка смешно болтала ножками и лепетала что-то на своем детском языке. Ей было года четыре от силы.

«Яра... Какое интересное имя, – Лета поймала себя на том, что улыбается, думая о соседях. – И мама у нее, должно быть, славная... Конечно, им со мной будет скучно – малышка мне во внучки годится».

Лета драматизировала ситуацию. Как, впрочем, и всегда, если речь заходила о ней самой. Грег только хохотал, когда она донимала его вопросом, что муж нашел в ней такого – самая обычная ведь, неказистая. В свои 43 она почти не пользовалась косметикой, густые волосы коньячного оттенка собирала в простой пучок и пряталась в мешковатые платья в пол – считала себя полноватой. Растопить нелюбовь к себе не смог даже муж, который с гордостью обнимал ее за плечи, когда они вместе гуляли по пляжу, и мог часами любоваться ее открытым, с правильными чертами лицом.

– В тебе чувствуется нежная сила, – нашептывал он, зарывшись лицом в копну ее волос, – знаешь, такая очень особая сила, которая может спасти или погубить человека. Ты особенная.

– Да обыкновенная я. Даже странно, что ты меня заметил. Вокруг столько красоток, а я...

– Ты же не думаешь, что люди выбирают друг друга по цвету волос или длине ног? Серьезно, думаешь? – Грег заливался счастливым смехом. – Ну окей, окей... У тебя самые красивые глаза, какие я только видел. И ноги – просто блеск!

– И ничего не красивые, – Лета отмахнулась от воспоминаний и еще успела заметить, как соседка плотно закрывает за собой входную дверь. – Странные люди...

Несколько дней она не вспоминала о новых соседях, занимаясь своими обычными делами: слушала музыку, рассматривала облака, в сумерках выходила побродить по пляжу, бесцельно щелкала пультом телевизора – просто чтобы ненадолго наполнить дом голосами... «Жизнь амебы», – думала она, подытоживая день за днем. Муж оставил достаточно денег, чтобы Лета могла не работать, и научил ее грамотно управлять сбережениями – в финансовом смысле она была безупречна и каждую пятницу в этом убеждалась.

Пятница была днем планирования расходов на неделю. С утра Лета проверяла счета, вносила платежи, если это было необходимо, а потом посвящала время своему любимому развлечению – заказывала доставку продуктов. Она знала, что пакеты из супермаркета привезет веселый парень в оранжевой бейсболке и они душевно поболтают минут десять-пятнадцать. Она вежливо предложит чашку кофе, он вежливо откажется и обязательно порекомендует один из свежих сериалов, которые она терпеть не могла, но обещала, что обязательно посмотрит, вот прямо сегодня...

– Так, помидоры, сыр, – Лета составляла список, прежде чем оформить онлайн-заказ, – рыба закончилась, яйца, молоко... Хлопья на утро тоже кончаются, кажется...

Она потянулась к кухонному шкафчику, чтобы проверить, и боковым зрением заметила движение на лужайке желтого дома. Лета присмотрелась – маленькая Яра уже спустилась

с высокого крыльца и в раздумьях смотрела на океан. Пятничным утром он был беспокоен – мощные волны накатывали на берег, разбиваясь веером брызг, которые переливались всеми цветами радуги в лучах солнца. Девочка встрепенулась и бодро пошлепала, почти побежала к воде. Лета встревожилась – где Ярина мама? Женщина с рыжими волосами не появлялась.

– Яра! Яра! – Лета выскочила на крыльцо и бросилась вдогонку за ребенком. Малышка на секунду остановилась, обернулась, помахала незнакомой тете ручкой и снова пошла к воде. – Подожди меня! Давай вместе посмотрим на водичку...

До океана было метров пятьдесят. Бежать по песку в длинном платье неудобно – Лета постоянно спотыкалась, боясь упасть и потерять драгоценные секунды. Но еще страшнее было, что волна собьет малявку с ног и затянет в воду, а там бог знает чем все это может закончиться. Она была уже совсем близко к Яре, слышала ее залиvistый смех и болтовню, но и океан – тоже. К берегу шла крутая волна – к восторгу Яры, которая чуть ли в ладоши не хлопала, вся в белоснежных барашках пены. Секунды, какие-то секунды... Лета никогда еще не чувствовала, как может растягиваться время – до этого момента. Словно в замедленных съемках и словно наблюдая за ситуацией стороны, она видела свои протянутые к девочке руки, ее испуганно расширившиеся глазенки, чувствовала опасное дыхание океана и одновременно – теплую, доверчивую тяжесть детского тельца в своих объятиях и стремительно развернулась спиной к волне, закрыв собой Яру и стараясь враспашку ступнями, чтобы устоять. Волна, ударившись о кромку берега, вздыбилась в небо, с головы до ног окатила женщину с ребенком обжигающе соленой водой и с шипением отползла.

– Ну вот и все, маленькая, – Лета гладила вымокшую все равно Яру по голове, – не испугалась?

– Неа, – доверчиво улыбнулась девочка и вдруг обняла соседку за шею, прильнув к ней всем телом.

А от желтого дома к ним уже бежала, задыхаясь от слез, женщина с рыжими волосами...

Глава 2. Знакомство с соседями

Она пришла в тот же вечер. Лета не сразу услышала робкий стук в дверь и когда открыла, женщина с рыжими волосами уже начала спускаться с ее крыльца.

– Ой, здравствуйте, – повернулась она на звук открывающейся двери и волосы вновь метнулись солнечной волной по худеньким, укутанным в цветастый палантин плечам. – Извините, я не хотела беспокоить... Вот... – женщина протянула тарелку, на которой дышал головокружительными ароматами нежнейший, с золотистой корочкой персиковый пирог, и чуть виновато улыбнулась, – сама испекла. Только мороженого дома не нашлось. С ним было бы еще вкуснее.

Вблизи соседка выглядела совсем юной – худенькая, высокая, светлая, на носу и щеках рассыпаны мелкие веснушки, глаза сложного болотного оттенка, в котором намешаны и зелень, и солнечные искорки, и прохладная серая глубина. «Какая красавица!» – подумала про себя Лета, залюбовавшись, и не сразу заметила, что за длинную мамину юбку держится виновница сегодняшнего «торжества» и незапланированной стирки – платье, искупавшееся в жгуче-соленой океанской воде, уже весело трепыхалось на заднем дворе, где были натянуты веревки для сушки белья.

– А это кто у нас? – Лета присела на корточки, чтобы не разговаривать с малышкой сверху вниз. – Привет, Яра! Как твои дела?

– Привет! – неожиданно четко ответила девочка. – Хорошо. А ты кто?

– Меня зовут Лета, я твоя соседка и, если хочешь, мы запросто подружимся, – внутри поднималась волна светлой радости. Женщине очень хотелось, чтобы маленькая проказница признала ее за своего человека.

– Хочу, – Яра улыбнулась и, отцепившись от материнской юбки, шагнула навстречу. Прямо в раскрытые объятия Леты, чье сердце захлебнулось нежностью – в ту же секунду жизнь развернулась на 180 градусов и теперь она была уже не одна.

– Сколько ей? – женщина подняла глаза на все еще застывшую в дверях соседку.

– В сентябре будет уже пять, – юная мама улыбнулась так солнечно, что Лета невольно ответила тем же. – Меня, кстати, Аня зовут.

– Ой, так что же мы на пороге, – засуетилась хозяйка дома. – Заходите, заходите, девочки. Будем пить чай. Хотите, пиццу еще закажем, а то я что-то не готовила ничего. Заходите скорее, располагайтесь.

Аня осторожно, словно ожидая подвоха, скользнула в гостиную, села на самый краешек дивана и следила глазами за движениями своей новой знакомой – она резала домашний пирог и раскладывала его по тарелкам. Чайник насвистывал на плите беспечную песенку. В незадернутые еще окна плыл знойный, позолоченный предзакатным солнцем вечер и комната наполнялась мягкими полутонами, которые по-хозяйски устраивались по углам и прятались в складках штор.

– Яра, что бы тебе дать поиграть? Может, порисуешь? – у Леты не было детей. Из «игрушек» – только декоративные подушки на диване да коллекция гномов. Хорошо, что в принтере есть бумага да пара маркеров завалилась в шкафу. «Надо будет хоть куклу купить», – машинально отметила она про себя, помогая девочке усестся за столом и раскладывая перед ней листы.

– Что вы, не беспокойтесь, Лета, – рыжеволосая соседка неслышно возникла рядом. – Яра может просто посидеть тихонечко. Правда, дочка?

Девочка вскинула на мать огромные глаза – такие же зеленые, как у Ани – и аккуратно отложила маркер, вытянулась стрункой, не говоря ни слова.

– Аня, да пусть рисует, скучно же ей с нами, – всплеснула руками хозяйка дома. – А мы пока чай будем пить. Хотите – на террасе посидим?

Дверь в гостиную осталась открытой, чтобы слышать маленькую художницу. Женщины расположились в плетеных креслах, на маленький круглый столик аккуратно уместились две цветные чашки – оранжевая для Ани и синяя для Леты – и тарелки с пирогом. С чего начать разговор? И стоит ли нарушать уютную тишину, которая как по волшебству разлилась между ними – так хорошо молчать, когда рядом кто-то есть.

Океан успокоился. Его дыхание было ровным, тихие волны неспешно набегали на песок, словно извиняясь за свое дневное буйство. Воздух, остывая после жаркого дня, был прозрачен и свеж. Лета с удовольствием откинулась на спинку кресла и вдруг заметила, что новая знакомая застыла в неестественно напряженной позе.

– Что-то не так? Чай холодный? Может, подушку под спину принести? – она тихонько коснулась Аниной руки. – Все в порядке?

– Да, все прекрасно, – молодая женщина вымученно улыбнулась, – день сегодня просто такой... Станный. Я, если честно, очень понервничала из-за этой истории с дочкой. Как представляю, что вы не оказались бы рядом – мурашки. Спасибо, спасибо, – она подняла на Лету глаза, полные слез. – Я не знаю, что бы я делала. Яра – это все, что у меня есть...

– А муж? – вопрос вырвался сам собой.

– И муж, да, конечно. И муж есть, – закивала рыжеволосая красавица.

– Как здорово! Так приятно, когда кто-то рядом счастлив. Иногда я думаю, что для жизни в общем-то и не нужно ничего другого – дом на берегу, семья, кто-то, с кем можно разговаривать, и кто-то, с кем легко молчать. С тобой, – поправляя упавшую на глаза прядь каштановых волос, Лета не заметила, как перешла на ты, – легко. И пирог, кстати, отменный!

– Правда? Мы с Ярой старались. Она такая помощница у меня, – в зеленых глазах гостьи мелькнула неподдельная радость. – А у вас есть дети? Простите, я не должна...

– Все в порядке, – глоток чая показался спасительным. – Я, как видишь, живу одна. Дом кажется слишком большим, мне-то многого не надо. И я так рада, что у меня появились соседи. Мы же можем иногда пить чай вместе?

– Конечно. И можем на ты, – улыбнулась Аня.

– Ну слава богу! А я-то уже подумала, что слишком стара для тебя, – Лета рассмеялась. – Тебе что-то около тридцати?

– О, уже скоро сорок – тридцать четыре. Даже не верится, думала, всегда будет 18, пока не встретила Мишу.

– Это твой муж? Такое имя интересное, явно не здешнее...

– Он любит называть себя на французский манер – Мишель, но мне кажется, это так нелепо... Я стараюсь никак не называть, – она пожала плечами и наконец-то отломил кусочек пирога. – Слушай, и правда вкусно получилось! А у тебя имя такое необычное – Лета. Я даже не слышала никогда такого. Откуда оно? Родители так назвали?

– Ммм, не задумывалась даже, мне казалось, самое обычное имя. Давай-ка лучше заварим свежий чай – этот уже совсем остыл, и проверим, как там наша художница.

Женщины вернулись в дом, болтая уже как старинные приятельницы – ни о чем и обо всем одновременно. Яра увлеченно, высунув от старания язык, рисовала смешные фигурки и даже не подняла на них глаз.

Что-то неуловимо изменилось. Обычные предметы словно обрели новые смыслы – например, маркеры теперь были не только для того, чтобы делать пометки в документах. Оказывается, ими можно и целые миры создавать. Яркие подушки на диване вдруг начали выполнять особую миссию – создавали уютное настроение, которое для Леты до сегодняшнего вечера не играло особой роли. Даже гномы на полке, казалось, выстроились в торжественный ряд, приветствуя перемены в мироощущении своей хозяйки. Смешанные чувства кружили голову, сбивали с толку. С одной стороны, в одиночестве для нее все было понятным, привычным – да, бесцветным и не вызывающим эмоций, но защищающим от боли и разочарований. Но с другой – так тепло в компании Ани, а от прикосновения маленьких детских ладошек до сих пор счастливые мурашки...

– ...и мы переехали за тысячу миль, муж так решил, – голос рыжеволосой гостьи выдернул ее из размышлений. – Я очень переживала. В Шарлотте, где я и родилась, был знаком каждый уголок. Уютный, аккуратный город. Я там чувствовала себя очень спокойно, уверенно даже – у меня сестра там живет, мы очень близки. Были... И вдруг – побережье океана, никого не знаешь, дом, который муж решил вдруг купить, хотя я еще и к нашему прошлому дому не привыкла. Это не первый переезд. Честно скажу тебе, мне и сейчас еще страшно – будем ли мы с Ярой здесь счастливы? Хотя, конечно, океан с крыльца видно, воздух удивительный, тишина... И вот ты теперь. Я так рада! И так благодарна тебе. Ты – наш ангел-хранитель, Лета. Я совершенно серьезно.

– Главное, чтобы Яра пообещала нам больше так не хулиганить, – улыбнулась хозяйка дома. – Очень уж я перепугалась. Сейчас ты напомнила – и жутко стало: вдруг бы не успела? Яра, – она подошла к девочке, которая все еще рисовала, – ты ведь не будешь убегать без нас с мамой к океану? Давай вместе будем гулять?

– Давай, – девочка закивала головой и ее золотистые кудряшки – вся в мать – весело запрыгали по тоненьким плечам. – Сейчас гулять?

– Доченька, сегодня уже поздно, но мы обязательно сходим все вместе, ракушки поищем, – пообещала Аня и спохватилась вдруг. – Если тете, конечно, удобно и найдется для нас время.

– Будет-будет, – Лета в порыве нежности обняла девочку. – Ну рисуй пока. Чай будешь?

– Не-а, – Яра снова погрузилась в мир черных фигурок. – А есть зеленый карандаш?

– Милая, обещаю: когда ты придешь в гости в следующий раз, будет и зеленый, и красный, и синий, и краски, и альбом, – девочка расплылась в счастливой улыбке.

Время за разговорами летело незаметно. За окном стужались сумерки, а женщины, встретившиеся пару часов назад, чувствовали себя так, словно знакомы целую вечность и умеют читать мысли друг друга. Лета давно не была такой счастливой, да и Аня будто расцвела – исчезла скованность, на щеках румянец, глаза светятся изумрудными искорками.

– Ты представляешь, – хохотала она, – у меня только что коленки не тряслись, пока мы к тебе собирались. Я минут 40 не могла выйти из дома, все думала – что я скажу, как я представлюсь. Даже перед зеркалом репетировала. Мне казалось, ты такая суровая, холодная, закрытая, такая взрослая – о чем вообще тебе со мной разговаривать? А ты такая...

– Ну, какая? – подзадоривала соседку Лета. – Давай уж, рассказывай.

– Настоящая, – показалось, будто зеленые глаза на секунду заволокло слезами. – Спасибо тебе. Я правда рада...

Раздался настойчивый стук в дверь. Настолько неуместный и неожиданный, что очарование вечера рассыпалось золотыми пылинками заката, обступившего дом со всех сторон.

– Это за вами? – спросила Лета, направляясь к двери. Она отвернулась и не успела заметить, что румянец на лице ее новой приятельницы выцвел, а Яра настороженно замерла. Наверное, боится громких звуков.

– Добрый вечер, – на крыльце стоял высокий брюнет в светлой одежде. – Я ваш новый сосед и подозреваю, что моя жена и дочь у вас в гостях, – он оценивающим взглядом просканировал пространство за спиной женщины.

– Да, Миша, девочки здесь, – она отступила, давая ему пройти в гостиную, – присоединяйтесь к нам.

– А мы разве знакомы? – мужчина несколько странно отреагировал на свое имя.

– Заочно. Аня рассказывала о вас немного.

– Ааа, понял, – он широко улыбнулся, – обычно она так не делает. Стесняется, наверное, меня.

Мишеля можно было назвать красивым: темные густые волосы, зачесанные на левый бок, высокий лоб, правильные черты лица, голубые глаза, гладко выбрит. Безупречен. И явно силен – под офисного стиля рубашкой угадывался крепко скроенный торс. Такой подхватит тростинку Аню, закружит в танце – Лета на секунду представила, как наполняются радостью ее глаза. Чудесная пара!

– Может быть, чаю? – она уже потянулась было за чашкой, когда напоролась на взгляд Мишеля – бесцветный, как у смертельно уставшего человека.

– Спасибо, в другой раз. Девочки, нам пора, время уже позднее.

На часах была половина девятого. Лета отмахнулась от смутного предчувствия: ну мало ли какие традиции в семье? Ранние пташки – ничего необычного.

Сборы заняли считанные минуты. Яра аккуратно сложила на край стола рисунки, сверху – маркеры. Аня хотела вымыть чашки, но Лета ее остановила – глупости какие, сама вымою. Поводов задерживаться в гостеприимном доме больше не было. Миша ждал у дверей. Без слов он протянул руку и подошедшая дочь машинально за нее взялась.

– Увидимся завтра? – обычный вроде бы вопрос, но он почему-то встревожил Лету. Видимо, слишком много впечатлений для одного дня.

– Конечно! Буду очень рада. Приходите с Ярой на завтрак – я блинчиков напеку. А потом погуляем, как планировали. Договорились?

Аня кивнула, направляясь за мужем, который вежливо попрощался. Не обернувшись, впрочем. «Все-таки странный человек, слишком закрытый и слишком правильный, – мелькнула назойливая мысль, которую Лета тут же переключила на себя. – А сама-то, сама – просто мисс коммуникабельность. Впервые за год с людьми поговорила, привыкла от всех прятаться». Когда она закрывала дверь, с лужайки желтого дома долетел обрывок фразы: «...уже с кем-то договариваешься?» – голос Мишеля звучал напряженно. Хотя, может быть, ей просто показалось.

...Музыка океана успокаивает. Когда ты сидишь на террасе летним вечером, а на столике – стакан воды, жизнь совершенна. В сливовом небе зажигаются первые звезды, теплый ночной бриз перебирает нежными пальцами листву деревьев, гладит по волосам – можно закрыть глаза и ни о чем не думать. У Леты так не получалось. Внутренний диалог не оставливался ни на секунду. Видимо, она все-таки скучала по разговорам – без Грегa тишина ощущалась острее всего, хотя порой и спасала. Почему ее так зацепила эта рыжая девочка-соседка? Что в ней такого? Почти на десять лет младше, счастлива в браке – красавец-муж и очаровательная девочка, сама хороша собой и могла бы реализовать кучу идей и талантов, которые наверняка есть. Может быть, она вообще стихи пишет или поет прекрасно? Надо будет спросить при случае, понаблюдать. Теперь-то у нее будет такая возможность, они договорились встретиться. И значит, вернется радостное чувство внутри – будто ты встретила родственную душу или потерянную много лет назад сестру. Что-то очень родное есть в грустных глазах соседки. Что-то очень похожее?

Сама не зная зачем, Лета побрела к океану. Босиком. Прогретый солнцем дощатый пол террасы сменился влажной прохладой травы. Несколько шагов и ступня погрузилась в песочный ковер – до океана каких-то 30—40 метров и он манит, словно в шуме волн звучат только ей слышные песни сладкоголосых сирен, зазывающих отчаянных моряков на верную погибель. «Ну я не моряк, – хихикнула внутри невесть откуда взявшаяся озорная девочка, – мне не грозит. Гуляем». Идти по песку было в удовольствие. Лета знала, что каждый ее шаг оставляет четкий отпечаток босых ног, и почему-то ей было приятно думать об этом: «Значит, я есть. Вот она я, живая. Как сказала Аня? Настоящая... Удивительная девочка, умеет же слово подобрать – будто крылья подарила».

Океан приближался. Его голос становился настойчивее, мощнее, он уже совсем близко, а на горизонте еще дрожала тонкая розовая полоска – отблески ушедшего солнца. Пальцы ног щекотно лизнула волна, возвращая Лету в реальную жизнь.

– Ох, – спохватилась она, – время-то почти ночь... Спать пора ложиться, блинчики с утра Яре обещала.

Женщина нехотя повернулась к океану спиной и побрела в сторону дома, боковым зрением заметив слабый свет на втором этаже у соседей. «Тоже полуночники?» – удивилась она про себя, вспомнив, что в половине девятого для Миши было поздно.

Она уснула моментально, обняв подушку на стороне Грега и провалившись в бархатную тьму ночи.

...Желтый дом отбрасывал уродливую тень на лужайку. В этом было что-то неправильное. Необъяснимое. Она поднялась на крыльцо, чувствуя, как поскрипывают и гуляют под ногами ступени, грозя вот-вот обвалиться. Входная дверь была приоткрыта, но внутри – мертвая тишина. Страх электрическим разрядом пробежал вдоль позвоночника. Почему так тихо? Где все? Она толкнула дверь от себя и...

Плотная чернота в зияющем дверном проеме напоминала ловушку – войдешь внутрь и пиши пропало. Лета замерла на пороге, вглядываясь в тьму, которая, казалось, вглядывалась в нее. Стало холодно.

– Аня? – голос прозвучал как чужой, отражаясь от утонувших в темноте стен тревожным эхом. Никто не ответил. Такую тишину она не любила. Казалось, будто из глубины дома к ней тянутся невидимые руки-щупальца – по щеке скользнуло что-то склизкое... Что происходит?

Желтый дом явно ждал, когда она войдет внутрь, чтобы захлопнуть дверь за ее спиной. Навсегда. Нет, нет! Этого не может быть снова. Не сейчас. Она ни в чем не виновата...

Сердце колотилось где-то в горле. Лета задыхалась от ужаса – откуда это ощущение, почему снова такой сон? Прислушавшись к звукам собственного дома, она с трудом, но успокоилась. Занимался рассвет. День обещал быть солнечным.

Глава 3. Дружба начинается с завтрака

Кружевные блинчики были фирменным блюдом Леты. Она не помнила, откуда знает этот рецепт – готовила их на глаз, интуитивно добавляя в нужных пропорциях молоко, муку, сахар. Дом наполнился ароматами утра – свежий кофе, выпечка и соленый ветер с океана. Дверь на террасу была уже открыта, чтобы зарождающаяся июньская жара прогревала гостиную. Совсем скоро придут девчонки. Эта мысль заставила женщину улыбнуться, когда она переворачивала очередной блинчик на сковородке. И точно – в дверь осторожно постучали.

– Привет! – Анины глаза были встревоженными, словно она чувствовала себя неловко. – Мы тебя не разбудили? Не слишком рано?

– Ну что ты, мы же договорились позавтракать вместе. Я уже блинчики почти напекла. Вы как их любите? С вареньем или сиропом?

– Мы можем просто чай попить...

– Ну конечно, – рассмеялась хозяйка, возвращаясь к плите, – то-то я встала пораньше, чтобы вас просто чаем напоить. Глупостей не говори. Устраивайтесь за столом, будем завтракать.

Яра нетерпеливо ерзала на слишком высоком для нее стуле и время от времени болтала ножками, развлекаясь хотя бы этим. Аня доставала чашки: «Так интересно, они у тебя все разных цветов. Можно брать любые?» Вслед за кружками на стол перекачывали тарелки и большое блюдо, на котором горой громоздились тонкие, почти прозрачные блины.

– Как солнышко! – восхитилась девочка, рассматривая явно непривычное для нее угощение.

– Это блинчики? – Аня тоже удивилась. – Никогда такие не пробовала. В детстве мама готовила, толстенькие такие, как лепешки. И с сиропом.

– Да? А у меня всегда такие получаются, – Лета пододвинула гостям шоколадный сироп и креманку с клубничным джемом, который нашелся в холодильнике. – Часто Грегу такие пекла, ему нравилось.

– А Грег – это...

– Да, это муж, – сама не понимая, зачем это делает, Лета прошла в гостиную, взяла фотографию на журнальном столике и принесла на кухню. – Вот он какой у меня. Иногда кажется, что он просто где-то на работе задержался. Я никак не могу привыкнуть к тому, что его нет.

– Красивый, – Аня бережно взяла фотографию и стала рассматривать смеющееся открытое лицо. – Такие глаза добрые! Вы даже похожи – сразу видно, что люди хорошие, не фальшивые. Прости за вопрос, а что случилось?

Инфаркт. В 41 год. Лета тоже думала, что так не бывает. С чего бы? Крепкий, сильный, активный, любящий – такие мужчины должны жить до 120-ти, но почему-то уходят первыми. И так внезапно. Тем утром Грег просто ушел на работу. И просто не вернулся.

– Такое случается, – врач сочувственно похлопывал ее по плечу. – Мы старались вытащить его... Простите, что не смогли. Жаль, что медиков вызвали так поздно. Может быть, у Грега были какие-то стрессы, переживания, о которых вы не знали? Хотите водички?..

Лета не хотела водички. Она хотела умереть. Как в книжках – чтобы в один день. Но ее разбитое сердце билось на удивление ровно. Оно просто перестало чувствовать. Остановилось 3 июня в 16:23, когда раздался тот проклятый телефонный звонок из больницы...

– Боже, Лета, мне так жаль, – в Аниных глазах была неподдельная боль. – Это так несправедливо.

– Да, Грег точно не заслуживал такого. Никто не заслуживает. Но знаешь, он был ровно настолько же упрямым по отношению к себе, насколько щедр – для других. Его коллеги на похоронах потом сказали, что он уже сознание почти потерял, а все требовал, чтобы врачей не беспокоили – вдруг кому-то помощь сейчас нужнее, – Лета загрустила, но через мгновение собралась и улыбнулась. – Ты бы ему точно понравилась, а уж Яра и подавно. А ты почему не ешь-то? Давай добавим немножко сиропа. Любишь шоколадный?

Знакомство с новой версией блинчиков прошло успешно. Это было заметно по довольной, испачканной шоколадом мордашке девочки – она попросила добавки и увлеченно складывала лакомство треугольником, как подсказала Лета. А женщины пока обсуждали планы на день – они собирались прогуляться по берегу до наступления жары, поболтать о пустяках. Или нет? В глубине души Лета чувствовала, что ее соседка почти всегда напряжена – словно пружина на взводе, словно постоянно ждет какого-то резкого звука или движения. И эта печаль в ее русалочьих глазах, где-то на самом доньшке, даже когда она смеется. Все-таки есть у этой молодой красивой женщины какая-то тайна. Может быть, когда-нибудь расскажет?

– Ты похожа на солнечную кисточку, – она залюбовалась рыжеволосой соседкой, которая первой вышла на улицу и стояла в солнечном свете, тонкая, вытянутая как травинка, – будто с ног до головы тебя облили сияющей краской. Это так красиво! Вот бы еще платье летнее, а не такой балахон.

Аня и правда одевалась не по погоде. Конечно, ткани легкие, струящиеся, но в складках длиннющего, в самый пол платья терялся ее изящный силуэт. Красивые стройные руки были наглухо – до самого запястья – закрыты рукавами. Ворот монашеский, едва ли не под горло. И на улице – уже почти 34 градуса жары. Спасает только свежий ветер с океана и тени от высоких пальм, будто специально натканных по пляжу через каждые 10–15 метров.

– А мне нравится такое, – как-то невесело засмеялась молодая женщина. – Чувствую себя матерью семейства, из 18 века. Все строго, ничего лишнего – как и полагается замужней даме.

– Да на пляже – ни души, от кого тут прятаться? – Лета догнала приятельницу и они вместе неспешно пошли вдоль берега. Яра шлепала на шаг впереди, постоянно оглядываясь на мать. – Лови солнце, хотя его всегда здесь в избытке, даже зимой. Но все равно – солнца много не бывает.

– Ты тоже носишь длинные платья, – парировала Аня, – а ведь могла бы...

– Что ты? – она расхохоталась, запрокинув голову – каштановые волосы пошли переливами оттенков. – Мне-то уже почти 45, у нас женщинам бальзаковского возраста не принято так себя вести... Хотя – видишь – мой балахон без рукавов и даже с открытыми плечами. Ужас, как нескромно! – продолжала она смеяться, пока внутри не прозвучал вопрос: «А у нас – это где?»

Собственно, что она знала о жизни до Грега? Ничего. Сплошная пустота, с редкими всполохами размытых воспоминаний, которые приходили обычно во снах и к утру оставляли лишь ощущение смутной тревоги и тоски. Муж легко успокаивал ее мрачные мысли теплым объятием – и Лете сразу становилось не страшно. Она никогда не задумывалась, что было до. Но что-то ведь было?

– А «у нас» – это где? – молодая женщина повторила за ее внутренним голосом. – Ты вообще откуда приехала сюда?

Ответа не было. Потому что его не было в принципе. Казалось, она родилась здесь – в этом светлом и просторном доме на берегу океана, в браке с Грегом, в возрасте 33 лет. А что было до этого? Лета никогда не задумывалась. И желания узнать себя ДО не возникало. Если бы у нее были родители, наверняка бы эти связи сохранились – рассуждала она. И привыкла к мысли, что никого нет. Но ведь они были? Не аист же ее принес?

– Честно сказать, я не помню, – задумчиво, растягивая слова, сказала она. – Понимаю, как дико это звучит. Не бывает людей без рода, без племени. Ты права, наверное, надо поискать хотя бы что-то о своей семье, но я не знаю, с чего начать. Вернее, не знаю, готова ли к этому.

В зеленых глазах Ани любопытство смешивалось с тревогой: что с этой женщиной не так?

– Давайте тут устроимся, – предложила Лета, поставив корзинку с бутербродами и водой на уже горячий песок под высокой пальмой и расстелив плед, про который вспомнила перед выходом из дома. – Яра, беги сюда, водички тебе налить?

Девочка весело плюхнулась рядом. Мама разрешила ей снять сандалии. Песок на этом участке пляжа был мелким, в золотую искорку и гулять по нему босиком – удовольствие экстра-класса: кажется, что тепло поднимается от кончиков пальцев и наполняет тебя радостью до самой макушки.

– Ты никогда не думала, что океан живой? – поправляя каштановую прядь, упавшую на глаза, спросила Лета. – Я часто с ним разговариваю. Мысленно, конечно, но мне кажется, что он отвечает. Вот сейчас, прислушайся, он в благостном настроении, урчит, как довольный кот, ластится к берегу. И он умеет слушать. Никогда не пробовала с ним поговорить?

– Да я тут живу всего-то пару дней, – кротко улыбнулась Аня. – Еще не успела. Иногда хочется посидеть вечером на крыльце – шум волн, огни дальних домов... Наверное, это очень помогает расслабиться. Но муж не любит, если я не рядом.

– Понимаю его. От тебя веет таким теплом и уютом, а мужчинам это важно...

– Ну да, ну да... – в ее голосе сквозила растерянность. Словно она не могла решиться сказать что-то важное и сама себя уговаривала сделать шаг, открыться.

– А пойдемте фигурки лепить? – Лета поднялась и протянула руку явно заскучавшей Яре. Аня двинулась за ними следом.

Волны облизывали песок, моментально превращая его в супер инструмент для строительства замков, куличиков – чего угодно. Девочка ладошками выгребала маленькие ямки, отбегала на несколько шагов и с восторгом следила, как вода наполняет их и выравнивает прибрежную линию снова. Женщины развлекались примерно также – следы босых ног океан стирал словно ластиком и казалось, что все еще можно начать сначала...

...Домой они вернулись через пару часов. Яра уснула. Аня несла ее на руках и выглядела абсолютно счастливой. «Какое счастье – обнимать своего ребенка, – глаза Леты изменили оттенок, стали почти шоколадными. Она не умела плакать, но точно знала – когда слезы близки, чайного цвета радужка темнеет, наливаясь тоской. – Почему, почему у нас не было детей? Я бы тоже хотела нести этот драгоценный груз...»

– Не устала? – она улыбнулась молодой женщине. – Давай поменяемся? Понесу малышку немного, а ты держи корзинку.

Девочка, не просыпаясь, обхватила ее за шею и доверчиво прижалась всем телом. Золотистые кудряшки вздрагивали в такт шагам. Почти на цыпочках, чтобы не потревожить нежный детский сон, Лета поднялась по ступенькам своего дома, дождалась, пока Аня откроет дверь, и аккуратно положила ребенка на большой диван в гостиной. Яра моментально свернулась клубочком и счастливо улыбнулась сквозь сон.

– Чаю? Воды? – женщина пошла к холодильнику и вдруг наткнулась взглядом на побледневшее лицо соседки. – Что? Что случилось?

– Я оставила у тебя телефон, – зеленые глаза наполнились паникой.

– Господи, ну вот же он, все в порядке. Ладно бы на пляже потеряла...

Аня дрожащими руками взяла мобильник: 19 пропущенных вызовов – муж, муж, муж... В эту же секунду раздался звонок.

– Да, дорогой, привет! – она старалась говорить как можно спокойнее. – Все хорошо, не волнуйся. Мы гуляли на пляже, а телефон я забыла у Леты дома. Да, конечно, не специально, заболтались просто... Да, чудесно прогулялись. Да, вечером поговорим, конечно. И я тебя.

Лета не могла понять, что такого страшного в забытом телефоне и почему Анин разговор с мужем откликнулся тревожной болью в сердце. Было в интонациях соседки что-то неуловимо знакомое, словно когда-то она сама испытывала похожие чувства – неуверенность, смятение и... Страх?

– Миша всегда так тебя опекает? – спросила она как бы между делом, разливая по чашкам чай.

– Он заботливый очень, да, и Ярочку любит, – невпопад ответила молодая женщина. Она словно была где-то не здесь, погрузившись в мрачные мысли. Это считывалось по ее отстраненной реакции. – Сейчас она проснется... Нет, я разбужу, и мы будем собираться домой. Муж скоро приедет, надо приготовить ужин...

И будто не было этого дня в солнечных брызгах океана. Стремительный уход гостей, больше похожий на бегство, озадачил Лету. Может, соседка с мужем повздорила накануне – вот он и нервничает? Если бы у нее были какие-то проблемы, Аня бы наверняка сказала. Хотя с чего бы – они общаются два дня. Не слишком убедительная основа для доверительных отношений.

«А ты сама рассказала бы о каких-то ссорах с мужем человеку, которого едва знаешь? – прозвучал в голове рациональный голос. – Нет, и словом не обмолвилась бы. Кому есть дело до твоей жизни? Ты же не живешь...»

Это была правда. Одиночество быстро входит в привычку, становится таким же естественным как дышать. Ты можешь носить самые красивые платья, по утрам готовить самый полезный завтрак и сервировать стол как в королевском дворце, но какой в этом смысл, если не с кем разделить ни сэндвич, ни золотой закат? И ты не успеваешь заметить, как все твои мечты выстудило, как врожденная способность замечать чудесные, волнующие детали в самых обычных вещах сошла на нет и вот ты уже бредешь по серой стороне улицы с односторонним движением. А что потом? Бесконечная череда бесцветных дней, оглушительная тишина, разбавить которую не может даже целительная музыка океана. Пустота, пустота...

Лета хорошо знала это ощущение – ты словно плывешь в холодном, безжизненном космосе, не чувствуя собственного тела, а вокруг, на миллиарды километров равнодушные звезды. Ты – меньше, чем песчинка, но все равно часть глобальной пустоты, из которой каким-то невысказанным образом в итоге все равно рождается жизнь. Чем не чудо?

...Ночь прошла без снов, обнулив тревожные предчувствия. А наутро Аня позвонила.

– Привет! – голос был ровный, чуть приглушенный. И звучали в нем какие-то странные нотки, которые Лета никак не могла расшифровать.

– Доброе утро, дорогая! У вас там все в порядке? Мне показалось, вчера ты была встревожена.

– Да-да, все хорошо, все хорошо. Яра немножко приболела...

– Что случилось? Может, помощь нужна?

– Нет, все нормально. Обычное расстройство желудка, это быстро пройдет. Она хотела сегодня погулять, но я даже не знаю...

– Аня, если вы соберетесь на берег, позвони – с удовольствием составлю компанию. Поболтаем.

– Я не знаю, – на том конце телефонной трубки повисла тяжелая пауза. – Я позвоню, если получится. Знаешь...

– Что? Ты какая-то странная сегодня. Точно все хорошо?

– Конечно, – слишком поспешно ответила соседка. – Мы обязательно увидимся. Спасибо, вчера был замечательный день. До встречи!

Лета отрешенно слушала телефонные гудки и думала о том, как быстро, всего за сутки, эта маленькая семья – Аня и Яра – стали частью ее жизни. Казалось бы, одна прогулка, но иногда своих угадываешь с первого взгляда и начинаешь скучать, разлучившись всего лишь на сутки.

...Они не встречались несколько дней. Все это время Лета, механически занимаясь будничными делами, ловила себя на мысли о том, что прямо сейчас она незримой тенью стоит за плечом у Ани. Почему-то ей было важно знать, что в желтом соседском доме все в порядке – светло, уютно и только ветер с побережья шелестит в складках плотных штор, защищающих прохладную тишину от изнуряющего июньского солнца. А по светлому паркету весело шлепают маленькие ножки Яры, которая играет с мамой в догонялки. Правда, Аня все время отвлекается – в кастрюле на плите закипает вода, чтобы варить спагетти.

– Почему спагетти? – рассмеялась над собой Лета. – Сейчас придумаю девочке целую жизнь, а может, все вообще не так. Может, они ужинают в городских ресторанах или Мишель привозит готовую еду из города. Да какая вообще разница, мы же просто соседи...

В глубине души она понимала, что обманывает себя – ей было не все равно. Аня и Яра занимали все ее мысли. Какие такие дела мешают им встретиться? Почему девочка не выходит даже на лужайку перед домом? Что было у соседки с голосом? И какого черта каждую ночь она, Лета, бродит по пустым комнатам желтого дома, вздрагивая от странных шорохов и едва различимых отзвуков?

...Дверь тонко, почти жалобно скрипнула и приоткрылась. В плотных сумерках угадывались очертания небольшой кровати, слабый свет ночника выхватывал из темноты розовые цветочки на пододеяльнике. Похоже, что это детская. Лета осторожно заглянула внутрь – точно: на полу рассыпаны игрушки, стены украшены наивными рисунками. Она шагнула в комнату и вдруг почувствовала, что воздух тревожно задрожал, размывая очертания мебели...

– Ты снова здесь? – смутно знакомый голос звучал отовсюду. Вкрадчиво и пугающе. – Что тебе надо? Чего разнылась?

Дыхание сбивалось. Она уже не понимала, где находится – вокруг сплошная серость, будто кто-то залил пространство мутной водой. Такая остаётся, если испачканную чёрной гуашью кисточку долго полоскали в стаканчике, что зачерпнуть другой цвет. Она не могла различить, женский голос окружает её или мужской. Он был какой-то обезличенный, но явно знакомый. Где она могла его слышать?

– И нечего реветь, – холодные слова вползли под кожу, и она покрывалась мурашками ужаса, – вообще некогда сейчас выяснять, что там у тебя случилось. Вот придёт отец – ещё добавит...

Отец? Боже, она вспоминает своё детство. А этот голос... Неужели мама? Но при чем тут желтый дом?

Сон, всего лишь очередной сон. Более чем странный. Лета никогда не думала о своей семье. Не было ни фотографий, ни писем, ни воспоминаний – и ее это в целом устраи-

вало. Такое бывает, когда люди, зачем-то связанные кровными узами, оказываются настолько чужими друг другу, что правильнее сбежать. Скорее всего, так и произошло, хотя все-таки странно, что не осталось даже имен. Странно, что муж никогда не заводил разговоров о ее прежней жизни. Может, что-то знал? А если знал, почему никогда ничего не спрашивал, не рассказывал?

Ей было неуютно от этих вопросов, которые непроизвольно всплывали в голове. Потому что ответов на них не было – только чувство неопределенности, зыбкой почвы под ногами, чего Лета очень не любила. Она привыкла к понятной, простой жизни: есть дом, есть день, есть нехитрый план дел, чашки на своем месте, прописанное на неделю меню – никаких потрясений и неожиданностей. А тут словно бездна разверзлась, и заглянуть в нее страшно. Может, и не придется? Из раздумий ее выдернул звонок телефона.

– Привет! – Анин голос звенел радостью. – А ты не хочешь прогуляться? Мы с Ярой уже выходим из дома.

День снова был ярким. Женщины неспешно брели вдоль кромки берега, прогретые солнцем волны щекотными пузырьками ластились к ногам, чуть впереди оранжевым цветком мелькал Ярин сарафанчик – она возглавляла их девичью процессию и, кажется, очень гордилась собой. Мир вокруг был безмятежен, словно легкое дыхание спящего ребенка: прозрачная синева неба на горизонте сливалась с мерцающим всеми оттенками синего и зеленого океаном; в жаркий воздух летней мелодией вплетались отдаленные голоса птиц – Лета чувствовала себя абсолютно счастливой и украдкой любовалась своими спутницами. Анины глаза, казалось, вобрали в себя все небо и в них плескалась безмятежность. В каждом ее движении сквозили расслабленность и спокойствие, она словно плыла над землей, невесомая и хрупкая, почти не оставляя следов на золотистом песке. А Яра, которая то убегала чуть вперед, то возвращалась по самой кромке воды, вся в рожденных брызгами маленьких радугах, была живым воплощением радости. Лета невольно рассмеялась:

– Ты только посмотри, – обратилась она к соседке, – она же сделана из счастья сейчас!

– Да, она – мой солнечный лучик, – доверительно улыбнулась Аня и вдруг сказала нежданно. – Мне кажется, ты была бы прекрасной мамой... Жаль, жаль, что вы с мужем так и не решились на ребенка...

– Ты знаешь, не могу сказать, что я не хотела – просто не получилось. Грег никогда не настаивал, в этом вопросе он полностью полагался на волю случая, хотя, наверное, можно было бы походить по врачам, выяснить, что не так... – Лета глубоко вздохнула, будто собираясь силами для важного признания.

– Мне кажется, он очень тебя оберегал...

– Да, скорее всего, так... Первое время после свадьбы я очень хотела родить ему ребенка, очень... Мне даже снилось, будто я качаю на руках малыша. Мальчика лет полутора-двух. Я просыпалась с ощущением чего-то очень теплого... – голос дрогнул. – Долго думала, что это знак – у нас будет сын, но нет... А потом и сны эти прекратились. Грег о них не напоминал, в конце концов я смирилась и успокоилась – значит, судьба у нас такая, просто быть вместе, вдвоем...

Обе надолго замолчали. О чем тут говорить, когда в сладком коктейле летнего воздуха так отчетливо проявилась горечь обманутых надежд? И вроде бы ничего не изменилось – солнце висит раскаленной добела монетой в безоблачном небе, из-под маленьких ножек Яры вместе с океанскими брызгами рождаются крохотные радуги, птичьи голоса все также звенят... Ане так хотелось обнять Лету, разделить ее печаль и вместе погоревать о мальчике из сна, который так и не сбылся.

– Слушай, – встрепенулась молодая женщина, все-таки решившись дотронуться до руки своей слишком одинокой сейчас и потерянной соседки, – а может завтра прокатимся до города? В картинной галерее там чудесная выставка, привезли репродукции Моне. Мне кажется, тебе понравится.

– Ой, я так давно никуда не выбиралась, – растерялась Лета, – но знаешь... А давай! Ты за рулем?

Аня кивнула, а мысленно уже представляла, как здорово будет провести целый день в городской суете, погрузившись в пеструю людскую реку, в звуки и запахи. Как раньше. До Мишеля.

– Ну значит, договорились, – решительно встряхнула она рыжей гривой. – Утром, сразу после завтрака мы с Ярой за тобой зайдем. Будь готова!

Глава 4. Город открывает тайны

«Так, соус возьму отдельно, вдруг девчонки его вообще не едят, – Лета складывала сэндвичи с овощами в ланч-бокс. Все-таки до города ехать минут 40, вдруг кто-то захочет перекусить. – И яблоки, яблоки надо помыть. Может, печеньки взять для Яры?»

Настроение было восхитительным – она пританцовывала, собираясь в поездку. Для нее, затворницы одинокого дома, вылазка в город приравнивалась чуть ли не к полету на Марс – она так давно не выбиралась в люди, что от одной мысли о шумных городских улицах, о приветливо распахнутых дверях кофеен приятно кружило голову, словно от бокала шампанского. За окном слышалось бурчание автомобиля – видимо, Ане тоже не терпелось отправиться в маленькое путешествие. Машина припарковалась возле дома и через пару минут на крыльце послышался торопливый бег и звонкий детский голосок: «Лета, Лета, я тут!», а следом – легкие шаги и тихий серебристый смех: «Ну какая же ты торопыга».

А Лета, на ходу собирая волосы в пучок, уже открывала дверь: «Я тоже торопыга, – рассмеялась она, обнимая Яру. – Давно готова и жду-не дождусь вас. Ну, поехали?».

– Да, поехали, – Аня солнечно улыбнулась, – карета ждет.

Неподалеку от крыльца стоял зеленый «Volvo», явно не новый, но довольно ухоженный. Соседка явно была аккуратным водителем и любила свою машину: в салоне чисто, на заднем сиденье детское автокресло зелено-оранжевой расцветки, такие же яркие коврики под ногами, в кармашке на спинке переднего сиденья – влажные салфетки. И аромат, тонкий, едва уловимый, но моментально превращающийся в светлое воспоминание где-то на уровне подкорки.

– Мммм, чем это так пахнет? – спросила Лета, одновременно пристегивая ремень безопасности и оглядывая салон. На зеркале заднего вида болталась какая-то неприметная безделушка, отдаленно напоминающая мини-флаконт, весь в каких-то ниточках и бусинах. – Не могу сообразить, что-то очень знакомое...

– О, это все моя сестра, – Аня еще раз убедилась, что Яра надежно пристегнута в кресле, включила дочери мультик на планшете и повернула ключ в замке зажигания. – Я же говорила, что у меня есть сестра?

– Да, упоминала, но не рассказывала.

– Исправляюсь, – улыбнулась рыжеволосая соседка, выруливая от дома на дорогу. – У меня есть младшая сестра, Соня, ей сейчас тридцать два. Она так и живет в Шарлотте, в родительском доме. Мама с папой уже 16 лет нет с нами. Автокатастрофа...

– Ох, сочувствую, – на Лету нахлынуло острое желание обнять молодую женщину. Она обязательно это сделает сегодня, впереди – целый день.

– Да, спасибо. Для нас с Соней тогда рухнул весь мир. Наверное, поэтому я и выскочила замуж за Мишу, он как-то вовремя оказался рядом, что ли. Я вообще мало тогда соображала... – на несколько секунд повисла тревожная пауза. – Так вот, про аромат. Сестра у меня работает в начальной школе, обожает детей, старается найти для них всякие интересные зада-

ния, поделки, простые опыты. А заодно и для себя увлечение открыла – с аромамаслами экспериментирует, душистые травки разные учится сочетать между собой... Муж Соню ведьмой из-за этого дразнит, хотя они вообще почти не общаются. Этот аромат она сделала специально для меня, говорит, что это запах надежды.

– Какая же она ведьма? – удивилась Лета. – Она у тебя волшебница. А рассказала, что намешала в этот аромат? Я никак не могу угадать.

– Ага, рассказала. Тут есть иланг-иланг, капелька бергамота и что-то цитрусовое. Лимон? Чувствуешь?

– Да-да, похоже, такая нежная кислинка, словно искорка...

– Этот флакончик мне тоже Соня смастерила. Мужу не нравится – не совпадает с его представлениями о прекрасном, – женщина странно усмехнулась. – Поэтому я и забрала в машину, здесь он точно никого не смущает.

Флакончик покачивался в такт движению, на поворотах беря небольшой крен вправо или влево – в эти моменты аромат усиливался. Если присмотреться, сквозь бусинки и узорчатое плетение нитей сочилось таинственное мерцание, жидкость внутри казалась вязкой, словно кто-то налил в бутылку лунный свет вперемешку с любовью. Лета размышляла, похожи ли сестры и насколько близки? Может быть, Соня – зеркальное отражение Ани, такая же хрупкая, с русалочьими глазами, беззащитная. А может быть, и полная ее противоположность – сильная, решительная, с короткой стрижкой...

– Соня совсем другая, – словно в ответ на ее мысли сказала соседка. – Она всегда была бунтаркой, с родителями вечно спорила – то с каким-то парнем-неформалом начнет встречаться, то школу вздумает бросить... Такая огненная она у меня, свободолюбивая, ничего не боится. Жаль, что общаемся сейчас не так часто.

– А почему? Телефон, скайп...

В этот момент телефон, закрепленный на приборной панели, ожил. Аня вздрогнула и словно сжалась в пружинку: «Муж. Сейчас я, минутку...»

– Привет, дорогой! – как можно беспечнее прошептала она, выводя звонок на громкую связь, чтобы не останавливаться.

– Вы уже в больнице? – салон «Volvo» наполнился холодным мужским голосом. Лета изумленно посмотрела на соседку: «В больнице?»

– Нет-нет, мы еще в пути, скоро подъезжаем. Я тебе потом сразу позвоню...

– Яра почему молчит?

– Доченька, скажи папе «Привет».

– Привет, папочка, – откликнулась малышка с заднего сиденья, неохотно отрываясь от мультяшек. – Я еду!

– Вы вдвоем? Больше никого с вами нет? – это уже напоминало допрос.

– Привет, Мишель, – Лета решила разрядить обстановку и боковым зрением заметила, как расширились Анины глаза. – Я тут твоим девчонкам компанию решила составить, прокатиться до города.

– Лета? Хммм, понял. Хорошо. Присмотрите за ними, чтобы не задерживались у врача. Удачной поездки, – не прощаясь, мужчина отключился.

– Ты сказала, что мы едем в больницу? Почему?

– Не бери в голову, – соседка старалась выглядеть спокойной, сосредоточившись на дороге. – Не люблю просто, когда он дуется, что мы куда-то собрались без него. Ты посмотри, какой океан сегодня!

За окном «Volvo» виднелось бескрайнее, все в солнечных бликах полотнище океана. Дорога шла вдоль побережья, и на этом участке уже не было домов – только песчаный берег, заросли сочной зелени и обжигающе соленая вода, уходящая на горизонте в небо. Было ощущение, что автомобиль движется вперед, а эта гармоничная картинка замерла в своем первоизданном совершенстве. Все-таки человек иногда кажется лишней деталью в пазле идеального мира.

– Пить, пить, – в детском кресле закопошилась Яра, которой, видимо, уже наскучило ехать и не терпелось попасть на карусели.

Лета протянула девочке коробочку сока: «Потерпи, малышка, скоро приедем».

– Да-да, еще минут десять и мы – в городе, – подтвердила Аня. – Вон он, уже виднеется.

Действительно, по обе стороны дороги побежали частные домики, замелькали лужайки, припаркованные автомобили, впереди появился поворот на оживленную улицу, а в открытые окна хлынул разноголосый городской шум и запахи счастья – свежая выпечка, цветы, кофе, сахарная вата, карамель...

– Мы сразу в галерею или по чашке капучино? – хитро подмигнула рыжеволосая соседка-русалка, на секунду превратившаяся в озорную бестию.

«Все-таки, наверное, они с сестрой очень похожи», – подумала Лета и вслух сказала: «А может, и правда по кофейку?»

...В кофейне с незамысловатым названием «Большая чашка» было на удивление уютно и совсем немного посетителей. Женщины облюбовали столик возле окна и – пока миловидная бариста, она же официантка готовила кофе и молочный коктейль для Яры – болтали о всяких пустяках. Поездка хоть и была недолгой, каких-то тридцать минут до города, но передышка пришлось кстати да и кофе оказался неплох.

– А далеко галерея? – спросила Лета, поднимаясь из-за стола.

– Тут буквально 10 минут езды, скоро будем на месте, – улыбнулась в ответ Аня. – А ты ни разу там не была?

– Да как-то не доводилось...

– О, думаю, тебе понравится. Я обожаю это местечко еще и за то, что там есть детская комната – Яру девочки-сотрудницы уже знают, могут с ней часами играть, а я гуляю по залам. Всегда отдыхаю там душой.

– Ты так любишь живопись?

– Не знаю, как объяснить, – в рыжих волосах искрами поблескивало утреннее солнце – девичья компания уже вышла на улицу и грузилась в «Volvo». – Это будто другой мир, где я ни от чего и ни от кого не завишу. Чувствую себя птицей, что ли – словно растворяюсь в переливах акварелей, оттенках и бликах, которые делают любую картину живой, и лечу куда-то в своих мыслях...

– На меня музыка так действует обычно, – понимающе кивнула Лета, защелкивая ремень безопасности, – а вот с картинами еще не пробовала.

Уже через 20 минут она поняла, что зря полагалась исключительно на Грига и Моцарта – Моне стал одновременно и открытием, и потрясением. Репродукций было немного, но какие! Лета словно оказалась по ту сторону багетных рам, и это она сейчас сидела в белом платье среди высоких луговых трав, каждой своей клеточкой впитывая сладкие дурмящие ароматы французского лета. Это в ее глазах отражались белоснежные лепестки парусов над пронзительно синими водами Сены. Это она несла пестрый букет сквозь благоухающее буйство сада Живерни, чувствуя под ногами каждый камешек на садовой дорожке. Это она...

– Ты слышишь? – женский голос звучал встревоженно, – Лета, ты здесь? Все хорошо?

– Прости, – очарование момента рассыпалось солнечной пылью, – а ты не обманула – тут действительно можно уплыть в другие миры. Вот уж не ожидала, что картины, даже не подлинники, так воздействуют...

– А я говорила, говорила, – расслабленно рассмеялась Аня. – Хочу тебе кое-что показать. Это моя любимая работа у Моне. Пойдем, пойдем скорее, – она взяла Лету за руку и повела в соседний зал.

У нее, еще очарованной картинами, было ощущение, что она плывет следом за тоненькой, излучающей едва уловимое сияние соседкой. Аня в этот момент казалась ей воплощением земного волшебства: ее голос и смех рассыпался на хрустальный звон колокольчиков, в каждом движении – полет...

– Смотри, смотри, – молодая женщина кивнула куда-то в сторону, – вот она.

Лета повернулась и...

Прохладная глубокая синева в лилово-зеленых переливах хлынула на нее, обдавая пугающим холодом. Белые звезды кувшинок казались такими обреченными, что хотелось плакать. Ничего, кроме пронзительного одиночества. Ничего, кроме тревожной пустоты.

– Это одна из самых известных серий Моне, – где-то совсем рядом звучал восторженный шепот Ани, – так и называется – «Кувшинки». Кажется, в нее входит более 200 картин и все – разные. Эта – лишь одна из них. Правда, очень красиво? Такие нежные цветы...

Но в темных глазах Леты стояли слезы, сердце бешено колотилось – она уже видела эту картину когда-то. Где? При каких обстоятельствах? Почему такой болью отзываются выпуклые, будто чуть растрепанные лепестки водяных лилий?

– Да, красиво, – едва справляясь с необъяснимым волнением, кивнула она. – Очень знакомая картина...

– Конечно, эти «Кувшинки» весь мир знает, – улыбнулась соседка, заметив повлажневшие глаза подруги и, видимо, приняв это за проявление восторга. – Я бы хотела однажды увидеть все-все картины цикла. Как думаешь, нам хватило бы дня рассмотреть их все?

– Когда-нибудь мы это проверим, – Лета наконец стряхнула оцепенение и собралась мыслями. – Здорово, что ты вытащила меня в город, мы только в галерее побывали и сразу столько впечатлений!

– А сейчас мы еще на карусели пойдем, – засмеялась Аня. Здесь, за пределами своего желтого дома, она казалась совершенно другой – словно внутри включился свет, ослепительно-яркий и согревающий. Даже волосы стали рыжее, пересыпанные солнечными бликами, а в зеленых глазах плясали веселые чертики. Она казалась... свободной?

– Да ты решила устроить нам настоящее приключение, – Лета приобняла молодую женщину за плечи. – Ну тогда пойдем Яру порадуем. Не заскучала она еще без нас?

...Детский восторг так заразителен! Игровая площадка, занимающая значительный участок городского парка, искрилась смехом и счастьем. Чего тут только не было – кишачие разновозрастной малышкой лабиринты, сахарная вата, песочницы и даже мелкий бассейн, чтобы ножками побултыхать, качели всех мастей, палатки с мороженым. А все дорожки так или иначе вели к похожей на старинную карусели, где нарядные лошадки и ретро-машинки степенно двигались по кругу под ненавязчивую мелодию, а гирлянды, свисающие, кажется, с неба, празднично перемигивались разноцветными огоньками. Яра забралась в машинку и уговорила Лету прокатиться на лошадке. Ощущение какого-то острого, почти болезненного счастья показывало в висках и мелкими мурашками прокатывалось вверх-вниз вдоль позвоночника – было здорово, но в голове копошились «правильные» мысли. «Взрослая тетка, а взобралась на качели», «Все смотрят на тебя, не позорься!», «Сидела бы смирно на лавочке...» – Лета буквально пожирала себя изнутри, испытывая неловкость от того, что на карусели никто из взрослых больше не рискнул прокатиться. Самообладание и веру в себя возвращала маленькая соседка – Яра то и дело оборачивалась из идущей впереди машинки, радостно махала рукой и смотрела на нее совершенно влюбленными глазами.

– Ну как, вернулись в детство? – улыбнулся парень-билетер, помогая Лете спуститься с карусели, когда она остановилась, отмотав с десятков кругов. – Редко мамы решаются прокатиться вместе с детьми, все стесняются чего-то, а вы молодец! Приходите еще.

Она благодарно кивнула и, почувствовав, как теплая Ярина ладошка уцепилась за ее руку, почувствовала, что от страха и смущения не осталось и следа. «Мы обязательно вернемся, – пообещала она парню. – Правда, Яра?»

За заборчиком, огораживающим аттракцион от основной части детского парка, их ждала Аня. В одной руке она держала розовое облачко сахарной ваты на палочке – для дочки, в другой – стаканчик с кофе.

– На, держи, – рыжеволосая женщина протянула подруге-брюнетке кофе, – кажется, ты испугалась немного. Я бы испугалась. Всегда начинаю переживать, как выгляжу со стороны, – призналась она.

– Ровно об этом я и думала, – рассмеялась Лета.

– Со стороны ты выглядела прекрасно, – Аня помедлила, словно подбирая слова. – Ты выглядела счастливой.

Счастье. Всего лишь слово, но сколько в нем смыслов, сколько оттенков, звуков, запахов... Странно, что люди совершенно не задумываются об этом. Живут на автомате, полагая совершенно естественным, что солнце по утрам выкатывается из-за горизонта, а кофемашина одним нажатием кнопки наполняет дом бодрящим ароматом. И кажется, все, что становится частью нашей жизни – люди, дома, вещи, даже чай определенного сорта – будут всегда. Так счастье превращается в привычку, обесценивается, сглаживается и выпцвetaет, утрачивает свою волнующую остроту. И вот уже ты не замечаешь, что ближе к полуночи трава на лужайке присыпана лунными искрами, а океан в ясный день наполняется небесной синевой – такой, какой просто не бывает на этой планете. И каждый раз ты проходишь мимо чуда, лишая себя возможности почувствовать себя счастливым – просто так, без каких-то глобальных поводов, хотя, если разобраться, что может быть величественнее и масштабнее пробивающегося сквозь асфальт цветка, такого настырного и живого? Или этого стаканчика кофе в руках и воздуха, звенящего детскими голосами? Разве еще что-то нужно, чтобы осознать наполненность момента?

Мысли – словно мягкие волны, ласковые и настойчивые – размывали внутреннюю убежденность Леты в том, что счастье для нее закончилось вместе с уходом Грегa, чья улыбка составляла радость каждого ее дня. Она впервые позволила себе подумать, что нет ничего стыдного в желании жить, даже если ты потеряла кого-то очень любимого, а вместе с ним – и способность дышать полной грудью.

– О чем задумалась? – Аня легонько коснулась ее руки.

– Спасибо тебе, – темные глаза были полны слез, – я так много открыла для себя в этот день. И «Кувшинки» эти, и карусель, и твоя забота... Нахлынуло, столько воспоминаний...

Рыжеволосая женщина терпеливо молчала, понимала, что подруге хочется выговориться.

– Я давно не чувствовала себя такой цельной, – Лета поправила темную прядку, упавшую на глаза, – такой спокойной, что ли. Будто мне необязательно все время грустить о муже, о том, что уже ничего не изменить и каждый день – в минус. Сегодня я словно увидела все вокруг другими глазами – небо ярче, городские улицы полны жизни и движения, люди открытые, никого не нужно бояться и прятаться. Когда был жив Грег, я знала, что у меня есть друг, любимый, защита и поддержка – и мне этого было достаточно. Я так привыкла к нашему маленькому миру, что не заметила, как отгородилась от всего остального. Зачем мне кто-то еще, если есть муж? А потом... – слезинка все-таки сорвалась с ресниц и скатилась по щеке, оставляя за собой соленую дорожку. – Потом Грег умер и моя жизнь потеряла всякий смысл. Один день похож на другой, мне никто не нужен, я никому не нужна. И вдруг – ты появилась, Яра. Конечно, мужа твоего я не знаю совсем, но мне кажется, он надежный человек, всегда так о тебе волнуется...

Увлеченная своим монологом женщина не заметила, что в лице Ани что-то изменилось, дрогнуло, но лишь на мгновение.

– Не представляешь, я с трудом уснула в тот вечер, когда в вашем доме впервые зажегся свет, – продолжала откровенничать Лета, – все думала – кто там поселился, какие люди? Так рада, что это оказалась ты. И так здорово оказалось выбраться в город. Я совсем забыла, что счастье – в мелочах, в простых вещах. А может, и не знала никогда об этом? Я благодарна Грегу за все, но самому главному он меня не научил – тому, что я могу быть счастливой сама по себе, даже от чашки кофе и прогулки с друзьями, даже от поездки на автомобиле, от музыки, от разговоров, от того, чтобы держать Яру за руку и кататься с ней на карусели...

– О, я и не подозревала, что у нашей поездки будет такой терапевтический эффект, – Аня обняла подругу за плечи. – Я очень рада! Можем ездить в город хоть каждую неделю, здесь еще много мест, где здорово гулять. А сейчас, девочки, нам пора собираться домой. Пошли вытаскивать Яру из песочницы?

Уговорить малышку на обратный путь стоило порции мороженого, и «еще разик» на карусели, но в итоге девичья троица все же погрузилась в старенький «Volvo». Девочка моментально задремала в своем кресле, улыбаясь во сне впечатлениям дня, а женщины молчали – каждая о своем. Аня внимательно следила за дорогой. Чем дальше становился город с его праздничной суетой, тем сосредоточеннее, если не сказать напряженнее была рыжеволосая соседка. Даже лимонный аромат, который утром показался Лете искристым и легким, сейчас тягучим облаком плыл в салоне машины, оседая тяжелыми мыслями. Музыку хозяйка машины не включила, чтобы не разбудить дочь, лишь привычным движением закрепила телефон на приборной панели. Лета заметила, что на экране смартфона мигает значок пропущенного звонка.

– Муж звонил? – спросила она.

– Да, наверное, – водительница равнодушно повела плечом. – Мы уже разговаривали пару раз, пока вы на каруселях с Ярой катались. Все в порядке.

Остаток дороги обе молчали. Лета задумчиво смотрела в окно. Близился вечер, краски дня блекли, небо замешивало ванильные сумерки, деревья и кустарники отбрасывали мягкие тени – мир сбавил темп и струился золотым светом. В открытые окна автомобиля плыл соленый воздух с побережья, впереди уже виднелись дома, кое-где на террасах уже зажигались огни.

– Ты, наверное, устала, весь день то за рулем, то на ногах, – Лете захотелось прервать напряженное молчание – вернуть ту Аню, какую она узнала сегодня, свободную и легкую, как пузырьки в шампанском.

– Нет, что ты, – молодая женщина улыбнулась одними глазами и словно выдохнула, – поездка вышла чудесной. Спасибо, что ты согласилась и составила нам компанию. Надо погуглить, где еще в городе будет интересно погулять, и потом...

Она замерла на полуслове. «Volvo» уже поворачивал к дому Леты, а на ступеньках террасы издали был заметен силуэт. Мужской.

– Ну наконец-то, – широко улыбаясь, Михаил шагнул навстречу припарковавшемуся возле дома автомобилю, – я уже начал волноваться. Разве так долго можно быть на приеме у врача?

Лета вспомнила утренний разговор Ани с мужем. Действительно, речь шла про визит в больницу. Не понимая, зачем это делает, она решила подыграть соседке: «Это я виновата, – брюнетка улыбнулась мужчине, – напросилась с девочками в город, уговорила погулять. Прости, Мишель, не думала, что на детской площадке будет так весело».

– Ничего страшного, – голос звучал вроде бы приветливо, но от его взгляда было почему-то неуютно, – погуляли и прекрасно. Лета, раз уж вы так подружились с моей женой, пора и нам познакомиться поближе. Что скажете на счет ужина в пятницу? Приглашаю к нам домой. Ты не возражаешь, дорогая?

Аня растерянно посмотрела на мужа и кивнула: «Конечно, конечно...» Лета чувствовала, как наэлектризовался воздух, но не понимала – почему. Что странного в приглашении на ужин?

– Ребята, это супер идея, – она искренне хотела разрядить обстановку и внести ясность. – Скажите, что мне приготовить? Принесу с собой. Буду очень рада провести вечер в вашей компании. А сейчас не хочу задерживать. Яра уснула в машине, надо бы ее уложить. Да и тебе, дорогая, – Лета обняла подругу, – нужно отдохнуть. Еще раз спасибо за эту поездку!

Она смотрела, как Миша уверенно сел за руль, Аня безропотно переместилась на заднее сиденье, к дочери. «Volvo» резко дал задний ход и выбрался на дорожку, ведущую к желтому дому. До пятницы оставалось три дня.

Глава 5. И мир перевернулся

...Нарисованные кувшинки жили своей жизнью, едва заметно покачиваясь на кажущейся неподвижной темной, в изумрудных бликах воде. Лета отступила на шаг назад и словно вышла из картины – цветы были еще очень близко, у самого лица, но уже не так пугали, уже не могли выкачать из нее душу и силы, чтобы подпитывать свою холодную красоту. Она освобождалась. Очень осторожно, аккуратно, стараясь не расплескать нарисованную воду и не оступиться. Шаг за шагом. Назад. На цыпочках.

– Спешить куда-то? – мужской голос за спиной прозвучал почти шепотом, но ей показалось, что грянул гром. Кувшинки тревожно задрожали своими нарисованными лепестками. Они знали, все знали...

Лета обернулась на голос – никого. Но ощущение чьего-то присутствия было настолько явным, что хотелось развести руками воздух – вдруг кто-то невидимый затаился среди ночных теней и наблюдает. Ждет.

– Ты все забыла? – тишину разрезал ехидный смешок. – Забыла, как обещала всю свою жизнь слушать меня? Забыла, как руки целовала и плакала? Забыла? – голос звучал уже угрожающе и это пугало.

– Кто ты? – женщина с трудом сдерживала дрожь. – Откуда ты меня знаешь?

– О, я знаю тебя лучше, чем ты сама. Знаю все твои мысли, все твои страхи, все твои желания. Знаю, где тебя найти. Я всегда рядом...

– Что тебе нужно?

– Чтобы ты помнила меня. Чтобы ты думала обо мне ежеминутно. Чтобы ты везде видела эти кувшинки. Смотри, смотри...

Лета заметила, как лепестки кувшинок начали менять цвет – к невинной белизне в золотистых прожилках добавились агрессивные красные штрихи. Как размытые пятна крови.

Темнота сгущалась, но она вдруг поняла – картина с «Кувшинками» висит на стене гостиной в соседском желтом доме. Он сам был живым, тяжело дышал в спину, плел паутину из шорохов и приглушенных голосов, подбирался все ближе, словно хотел поглотить еще одну человеческую душу, навсегда запереть ее в коконе смутных воспоминаний. Вдруг где-то в глубине вытянувшейся в бесконечный мрак комнаты Лета заметила бледный дрожащий свет. Будто огарок свечи из последних сил сопротивлялся ночным сквознякам, чтобы дать надежду хоть кому-то из пленников дома. Она пошла на этот свет, вздрагивая от каждого скрипа половиц под ногами. Кто-то шел рядом – боковым зрением женщина видела туманный силуэт и боялась повернуться, чтобы не встретиться глазами со своим странным спутником.

– А пора бы уже, – шепнула тень где-то совсем близко, и далекий огонек вдруг начал стремительно разрастаться, накрывая Лету теплым желтым светом как волной...

...Она с трудом разлепила глаза. Четыре утра – да это просто издевательство! Даже солнце еще не выкатилось из-за горизонта, спать да спать. Плотнее укутавшись в легкое одеяло – этой ночью ей почему-то было адски холодно, Лета свернулась клубочком в постели. «Не хочу, не хочу ничего знать, – дурацкие мысли роились в голове, – не хочу! Нет никаких секретов, у меня обычная жизнь, я никому ничего не сделала плохого и мне никто ничего... А что, если?..» Она резко соскочила с постели. Почему Грег никогда не интересовался ее прошлым? Разве это не естественно – узнать, чем жил и дышал любимый человек до тебя, чему радовался, о чем грустил? Может, что-то есть в документах или в блокнотах мужа – Лета вспомнила, что Грег время от времени вел какие-то записи. Она никогда не любопытствовала – у каждого должно быть что-то личное, но вдруг...

Страхнув остатки липкого сна, женщина умылась прохладной водой, на минуту задержалась у окна, встречая первые лучи рассветного солнца и словно набираясь от него сил, потом нырнула в халат и выскользнула из спальни. Соседняя дверь по коридору – рабочий кабинет Грега. Это была небольшая светлая комната с видом на пляж: стеллаж с книгами, большой удобный стол, ноутбук, который не включался уже год, кресло – ничего лишнего. Сюда Лета приходила в двух случаях – чтобы сделать уборку и... помечтать о том, как муж возвращается домой. Раньше она иногда приносила в кабинет ужин, если знала, что Грегу нужно будет поработать вечером, садилась в его кресло и слушала, как к дому подъезжает машина, а вскоре на крыльце раздаются шаги, щелкает дверной замок. Жаль, что теперь – сколько ни жди – не будет ни шагов, ни встречи. Только мертвая тишина и вопросы, которые она так и не догадалась задать при жизни мужа. Думала, что он будет всегда.

Кабинет Грега встретил ее обволакивающей безмятежностью. Женщина подошла к столу, провела ладонью по верхней крышке ноутбука и на секунду ей показалось, что он теплый – будто муж только что закончил работу и вышел из комнаты. Опять разминулись. Она погрузилась в кресло и замерла, никак не решаясь открыть верхний ящик стола. Лета никогда не вторгалась в дела мужа, была уверена: если ей что-то надо знать, Грег скажет. «Ну хватит, – рассердилась она на себя, – может, никаких секретов и нет. Сама себе придумала, вот и сны дурацкие потом. Пора положить этому конец». Женщина глубоко вздохнула и выдвинула ящик.

Ничего. Чистые листы бумаги, несколько авторучек, наушники, МРЗ-плеер, с которым Грег всегда выходил на пробежку, наручные часы. А это что? В глубине ящика Лета увидела темно-синюю, средних размеров коробку. Дрожащими руками она достала ее и открыла. Слезы хлынули сразу. Это была личная сокровищница мужа: ленточка дурашливых снимков из фотокabiны, когда они устали гулять по торговому центру и спрятались в ней от шумной цветастой толпы; аккуратно высушенный кленовый лист – памятка о долгой прогулке в осеннем парке; билеты на концерт «Scorpions», где Грег под первые аккорды легендарной «Wind of Change» попросил Лету стать его женой; золотистая ленточка из ее свадебного венка; ее записка с признанием в любви, которую она сунула в карман его пиджака в первый рабочий день после свадьбы... Женщина перебирала все эти трогательные вещицы, заново проживая первые встречи, совместные путешествия, разговоры до утра. Боже, как же ей не хватает Грега, его улыбки, его теплых надежных объятий.

– Милый, милый мой, дорогой мой человек, где же ты сейчас? Почему все так? – она не могла остановить слезы. – Как бы я хотела сейчас тебя обнять, уткнуться в плечо, почувствовать твой запах, чтобы ты сказал какую-нибудь смешную глупость и мы вместе посмеялись бы. Зачем, зачем ты ушел, Грег? Зачем ты меня оставил одну?

Как ни странно, эта отчаянная молитва словно открыла какой-то шлюз – вся боль, запертая в ее душе, хлынула наружу, освобождая пространство для жизни. Утирая слезы, Лета вдруг заметила на самом дне коробки сложенный вчетверо лист бумаги. Может, Грег оставил ей письмо? Она быстро пробежала глазами текст, написанный явно его рукой, и ничего не поняла: «Татьяна К., 13.06.1979, Тамара Дмитриевна» и набор цифр, похожих на номер телефона, только здесь нет таких номеров.

С трудом дождавшись, когда на часах будет девять утра, женщина бросилась звонить соседке.

– Аня, привет! Прости, что я так рано, но мне не с кем посоветоваться, – затараторила она в телефонную трубку. – Нашла у мужа странную записку – какие-то имена, я таких никогда от него не слышала, какие-то цифры. Может, это номер телефона?

– Слушай, сейчас отправлю Мишу на работу, мы с Ярой позавтракаем и зайдем к тебе, – молодой женщине передалось волнение подруги. – Ты мне все расскажешь и придумаем, что с этим делать. Хорошо?

Соседка пришла ближе в полудню, и ожидание показалось Лете вечностью. Усадив Яру смотреть мультфильмы, женщины устроились за обеденным столом. Пока хозяйка дома разливала по чашкам чай, Аня изучала странную записку Грега.

– Мне кажется, я почти уверена, что это русские имена, – сказала она. – Вот как мое, тоже с русскими корнями, хотя Анна есть во многих языках мира. Тамара тоже, конечно. А вот Татьяна у нас, скорее, экзотика. Не встречала среди своих знакомых.

– Откуда у мужа знакомые в России? – удивилась Лета. – Нет, бизнес, все понятно... Может, он и бывал там? Я не знаю, если честно. А если это какие-то его родственники? – мелькнула догадка. – И возможно, они вообще не знают, что с Грегом случилось?

– Давай загуглим, что это за цифры, – в зеленых глазах соседки зрела решимость. – Конечно, номер телефона, но чей, откуда?

Ноутбук лениво заурчал, включаясь. Подруги замерли в ожидании, то и дело переглядываясь, словно мысленно спрашивали друг друга, куда приведут эти поиски. Даже предположений не было. Ну не любовница же?

– Так, – Анины пальцы забегали по клавиатуре, – что там у нас? +734...

– Что? – через минуту ахнула Лета. – Детский дом? Где это вообще? Сибирь?

– Я не понимаю... – зеленые глаза соседки наполнились тревогой. – Детский дом... Это так странно. А может и правда Грег искал кого-то из своих близких? В жизни всякое бывает... Вдруг у него сестра есть, Татьяна эта – по возрасту подходит. 13 июня 1979-го – явно день и год рождения. А Тамара тогда кто?

Голова шла кругом. Чего еще Лета не знает о муже? На экране монитора мелькали фотографии промышленного города где-то в глубине России, куда подруг привел телефонный

номер, написанный рукой Грега на обычном листке бумаги: похожие друг на друга дома, вытянутые улицы, мало деревьев, но зимние снимки – волшебные, кружевные.

– Смотри, смотри, – восторгнулась Аня, – вот этот детский дом, я нашла фотографии.

Двухэтажное зеленое здание выглядело нежилым, холодное, с погасшими окнами. Крыльцо в несколько ступеней, виднеется вывеска. За невысоким забором из рабицы угадываются несколько клумб, правда, цветов на них нет. Не самое приятное место.

– Слушай, а может, Грег искал твоих родных? – осенило рыжеволосую соседку. – Никогда не рассказывал об этом, не обсуждали?

– Ну нет, нет, – замахала руками Лета. – Это невозможно. Я никогда не была в России, не думаю, что там может быть кто-то из родни. Нет, нет... Уверена, что нет.

– Давай попробуем разобраться, – настаивала Аня, – иначе ты изведешь себя этими мыслями и все равно потом захочешь выяснить правду. Можешь рассказать мне, как вы с мужем познакомились?

– Да что там рассказывать, – женщина ненадолго замолчала, а потом вдруг словно вспомнила что-то и... – Меня сбила машина, а Грег был очевидцем. Вытаскивал меня из-под колес, вызывал медиков. Я не помню сама ничего, были очень серьезные травмы, больше месяца в больнице, две недели без сознания. Не знаю почему, но Грег все это время был рядом, приходил каждый день, приносил цветы. Это мне медсестры потом рассказывали. И так вышло, что первый человек, которого я увидела, придя в себя, был он. Больше никто меня не искал, родные не объявились, а я вообще ничего не помнила и не знала, куда мне идти. Тогда Грег привез меня в этот дом. Мы очень подружились, полгода жили как соседи – он работал, всем меня обеспечивал, а я в благодарность занималась домом. Очень тяжело восстанавливалась после аварии...

Рыжеволосая соседка, кажется, не дышала – с каждым словом ее глаза расширялись все больше и больше. Что угодно она ожидала услышать, но чтобы такое?!

– Грег помог мне познакомиться с самой собой, мы восстановили документы – все же было утеряно, постепенно начал выводить меня в люди – то в кафе вытаскивал, то на прогулку. Мы вообще очень много гуляли, океан к этому располагает и разговаривали, разговаривали... Он столько всего знал. И он так меня чувствовал, – Лета уже не могла остановиться, подступали слезы, словно боль разлуки с мужем готова была выплеснуться. – А потом был Лондон, представляешь? Грег совершенно неожиданно повез меня в этот чудесный город – на концерт «Scorpions». Это была фантастика – столько людей, музыка, какая-то невероятная энергия всеобщей любви, мы пели вместе со всеми, танцевали, я дышать не могла от счастья. В тот день Грег предложил мне стать его женой. Это было так искренне, так по-настоящему... Океан людей и только мы вдвоем. Неужели ты думаешь, что он мог меня обманывать?

Лета с таким отчаянием посмотрела на подругу, что Аня крепко-крепко ее обняла, испытывая острый приступ нежности и горя. Как несправедливо, что от любви остаются лишь воспоминания, которые уже не с кем разделить. Как больно, что сама она никогда не знала этого чувства, не понимала, как это – когда тебя любят. Ее жизнь выглядела безупречной: дом на берегу океана, очаровательная и обожаемая дочка, внимательный муж, тихие семей-

ные вечера, только ее самой не было. В каждой клеточке ее тела жила пустота. Она была кем угодно – матерью, женой, домохозяйкой, только не самой собой. Аня сама не заметила, как начала плакать, и вот уже они обе, обнявшись, рыдали над осколками своих жизней.

– Мама, Лета, зачем вы такие грустные? – дрожащий голосок Яры привел женщин в чувство. – Там мультики кончились, а вы тут... – девочка уткнулась матери в колени и все-таки расплакалась.

– Ну, ну, маленькая, иди сюда, – Лета первой сообразила, что своими разговорами и слезами они напугали ребенка, и выпустила ее в круг объятий. И сразу стало тепло и спокойно.

На диване в Аниной сумке настойчиво запиликал телефон. Она нехотя разорвала кольцо рук: «Я сейчас» и чуть неровной походкой, словно несла на себе всю тяжесть мира, пересекла гостиную.

– Алло, – наверное, собеседнику голос молодой женщины сейчас показался совершенно безжизненным, – я слушаю. Да, дорогой, все в порядке. Мы зашли в гости к Лете, поэтому на домашнем я не ответила. Зачем? Ммм... Обсуждаем пятничный ужин, – было заметно, что Ане не очень хочется разговаривать с мужем. – Конечно, конечно, позвоню, как вернемся домой.

– Сколько раз на дню он тебе звонит? – Лета хотела было рассмеяться, но осеклась, заметив что-то странное во взгляде подруги. – Порой это напоминает не просто заботу...

– Так и есть, – пожала плечами Аня и вздохнула. – Ну что, обсудим ужин? А с этой запиской, я тебе обещаю, разберемся. Сейчас что-то сил нет совсем, все выплакали, – она неловко улыбнулась.

На ужин планировалась паста с морепродуктами, легкое вино, фрукты, сыр. «А мне-то что приготовить? Не могу же я с пустыми руками заявиться, – озадачилась Лета, мысленно перебирая рецепты десертов. – Может, блинчики сделать? Помнишь, они Яре понравились вроде бы. И груши в карамели к ним – будет здорово». Девочка довольно закивала – да, блинчики что надо.

– Ну хорошо, – засмеялась Аня, – пусть будут блинчики. – Мужу с его русскими корнями, наверное, придется по душе. Тогда я завтра еще позвоню, уточним по времени, а сейчас нам пора. Ты бы отдохнула немножко, а? Столько впечатлений сегодня...

Когда за гостями закрылась дверь, Лета и правда почувствовала, что очень устала. Это было странное, незнакомое чувство – будто твоя душа раскололась на мелкие-мелкие осколки и не рассыпается лишь потому, что ее удерживает телесная оболочка. И эти осколки такие острые, что каждое движение причиняет боль. Тебе хочется заползти в угол дивана, обложиться подушками, скрючиться под одеялом и уснуть на тысячу лет, пока не отпустит. Ирония в том, что ты заранее знаешь – не отпустит, не перестанет болеть, пока ты не ответишь себе на все вопросы. А их много. И самый главный – как так вышло, что 10 лет ее жизни, наполненные любовью и светом, оказались иллюзией? Неужели человек, который был для нее всем – был ее жизнью, вел двойную игру? Неужели в их доверительных отношениях с мужем нашлось место тайнам, которые Грег не смог с ней разделить?

Лета наполнила высокий бокал белым вином и вышла на террасу. Впереди волновался океан, но музыка волн не успокаивала, как обычно. Тревожность разрасталась внутри, поднималась дрожью от кончиков пальцев. Глоток прохладного вина немного приглушил боль и обиду, но не смог поставить мысли на паузу. Надо разобраться. Аня права: если она не выяснит все, то просто сведет себя с ума подозрениями и просто не сможет жить дальше. Но как, как разобраться? Этот город, этот детский дом так далеко. Знакомых там у Леты нет. Она даже русский язык не знает, чтобы банально позвонить по номеру телефона, который нашла в бумагах мужа. Ну не ехать же туда в самом деле. Или ехать?

За мучительными размышлениями она и не заметила, как солнце выкрасило в оранжевый песок на пляже, а от пальм поползли густые вытянутые тени. Вино в бокале, который женщина крутила в руках, выдохлось – только вылить. Невероятно, она и не заметила, как пролетел этот день

– Ну что ж, – сказала она сама себе, – значит, вечерний чай и спать. Хватит, хватит. Прямо сейчас я ничего не могу решить. Надо переспать с этим, а завтра все может выглядеть уже совершенно иначе.

Ночь не принесла ни снов, ни облегчения. Весь следующий день Лета провела в одиночестве и ничегонеделании – не было ни сил, ни желания. Даже разговаривать с Аней, которая позвонила подтвердить пятничный ужин и сообщить, что ее будут ждать к пяти часам вечера, не хотелось. Подруга забеспокоилась – в таком настроении Лету она еще не видела.

– Я обещаю тебе, мы обязательно что-то придумаем, – соседка попыталась подбодрить совершенно разбитую и потерянную женщину. – Если хочешь, я сама позвоню в этот город, моих знаний русского хватит на простой разговор...

– Ты говоришь по-русски? – искренне изумилась Лета.

– Ну Миша только вид делает на публике, что он европеец, – невесело рассмеялась Аня, – а на самом деле очень трепетно относится к своему происхождению. Для него это предмет гордости – великий народ и все такое. Так что да, я немного знаю русский. Муж хочет, чтобы мы с Ярой свободно владели языком, мне он не очень-то и дается, но позвонить – хватит.

– Боже, чего еще я о тебе не знаю! – восхитилась Лета и почувствовала облегчение. Все-таки появилась зацепка, шанс что-то выяснить. – Спасибо тебе, спасибо. Это очень важно. Мне даже легче стало. Буду со спокойной – ну почти со спокойной – душой завтра печь блинчики.

Глава 6. Время снять маски

Утро пятницы было восхитительным. Никаких снов. Навалившиеся накануне страхи и сомнения улеглись, словно океан после шторма, и трансформировались в спокойную уверенность – она во всем разберется и потом еще смеяться будет над собственной мнительностью. Не может быть, чтобы за этой запиской скрывалась какая-то жуткая тайна, наверняка имена ничего не значат. Лета, пританцовывая, направилась в ванную – хотелось смыть остатки тревожных мыслей прохладной водой, улыбнуться себе в зеркало и даже достать косметичку. «Все-таки в гости сегодня иду, – в голове бабочками порхали беспечные идеи о том, чему посвятить утренние часы, – надо выглядеть прилично. Вспомню хоть, как глаза красить».

Когда она была хоть у кого-то в гостях последний раз? Еще с Грегом ездили на ужин к его партнеру – они вместе работали над очередным архитектурным проектом и решили обсудить детали за бокалом вина. Почему ей так запомнился именно тот вечер? Потому что был последним совместным выходом в люди? Потому что муж был особенно весел и общителен, словно авансом отдавал свое тепло и дружбу? С Грегом всегда было легко. Он умел даже сложные переговоры с клиентами превратить в дружеские посиделки, пересыпая разговор искристыми шутками и лучась улыбками – устоять перед его обаянием было невозможно. Он и здания проектировал такие же – солнечные, легкие, с огромными окнами. «В каждой комнате должен быть свет, много света», – говорил он. Поэтому и выбрал для себя именно такой дом, светлый, просторный, впитывающий в себя рассветы и закаты. Первый раз переступив порог этого дома, Лета почувствовала, будто растворяется в теплых, прогретых солнцем волнах океана и плывет, плывет куда-то. Тогда она еще не догадывалась, что сделала первый шаг к счастью, такому же простому и естественному, как дышать. Все-таки она невероятно везучая – у нее были десять лет, целая жизнь, за которую нужно быть благодарной.

Мир вдруг распахнулся навстречу Лете, все вокруг пело, звенело, сияло радостью зарождающегося дня. Даже кофе показался особенно ароматным и вкусным. «Обещаю тебе, милый, – мысленно улыбнулась она мужу, – теперь я не буду бояться жизни, что бы она мне ни приготовила. Ты не мог меня обманывать, ты просто не успел рассказать... Я найду этих женщин, выясню, чем ты хотел им помочь, и помогу. Обязательно помогу».

В приподнятом настроении она протанцевала на кухню и принялась замешивать тесто для блинчиков. Сегодня ей во всем виделась магия: в глубокую миску Лета разбила два яйца – яркие, почти оранжевые желтки шлепнулись друг о друга и подставили глянцевые бока под шустрый венчик. Кристаллики сахара по пути из мерного стакана в миску собирали в себя солнечный свет и растворялись в яичной смеси, создавая невесомую пену.

– Так, теперь немного молока, – все ингредиенты Лета добавляла интуитивно. Она сама не знала, где научилась печь кружевные блинчики, да и делала это нечасто, но сегодня очень хотела получить идеальный результат – произвести впечатление на Мишу.

Венчик весело плясал в миске, внося свою лепту в создание кулинарного шедевра. Щепотка соли, пара ложек растительного масла, стакан крутого кипятка – почти все готово. Осталось добавить муку и можно чуть-чуть ванилина – для тонкого аромата. Чтобы блинчики были нежнее нежного, муку надо было просеять. Она оседала белоснежными облаками в миске и, моментально включаясь в танец венчика, сгущалась в молочного оттенка тесто. Довольная результатом женщина поставила блины на паузу, чтобы тесто настоялось, и решила пока заняться грушами. Здорово, что в ее холодильнике всегда есть фрукты – на выбор, и груши

занимают среди них почетное место. Сочные, румяные, они словно ждали момента, чтобы стать праздничным блюдом. Она достала три штуки, тщательно промыла их под проточной водой, очистила тонкую кожуру и располовинила фрукты, удалив косточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.